

УДК 821.161.1.09"18"

М. Г. Пономарева

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
mgstepanova@mail.ru

**ПРОБЛЕМА ЖАНРОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА
В ТВОРЧЕСТВЕ Н. М. КОНШИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА
«ГРАФ ОБОЯНСКИЙ, ИЛИ СМОЛЕНСК В 1812 ГОДУ»)**

Исторический роман Н. М. Коншина «Граф Обоюнский, или Смоленск в 1812 году» был написан на основе личных воспоминаний автора об обороне Смоленска в 1812 году. Однако они стали источником не столько сюжетного действия, сколько системы образов. Герои произведения непосредственно практически не принимают участия в военных действиях. Любовный конфликт разрешается через открытие тайны, не связанной с событиями 1812 года. По всей видимости, перед нами исторический роман «булгаринского» типа, ориентированный на традицию авантюрно-бытового повествования, что позволяет автору найти новые детали в изображении событий войны.

Ключевые слова: исторический роман; авантюрно-бытовой роман; жанровая идентичность; Н. М. Коншин; Ф. В. Булгарин; точка зрения.

M. G. Ponomaryova

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University
mgstepanova@mail.ru

**PROBLEM OF GENRE IDENTITY OF THE HISTORICAL NOVEL
IN NIKOLAY KONSHIN'S CREATIV WORK
(ON MATERIAL OF THE HISTORICAL NOVEL
«THE COUNT OBOYANSKY, OR SMOLENSK IN 1812»)**

Nikolay Konshin's historical novel «The count Oboyansky, or Smolensk in 1812» has been written on the basis of the author's personal memories about defence of Smolensk in 1812. However they became a source not that much of subject action than of system of images. Heroes of the work directly practically do not take part in military operations. The love conflict is resolved through discovery of the secret which is not connected with events of 1812. Most likely, before us the historical hero of «Faddey Bulgarin» type oriented on tradition of the adventurous and everyday narration that allows the author to find new details in the image of events of war.

Keywords: historical novel; adventure story; genre identity; Nikolay Konshin; Faddey Bulgarin; point of view.

Проблема жанровой идентичности исторического романа очень остро стояла в русской литературе 1830–1840-х гг. Исторические жанры оказались ведущими в литературе этой поры, причем их роль с каждым годом не уменьшалась, а только увеличивалась. При этом современники не всегда были готовы к восприятию всей палитры жанровых модификаций исторического романа, предложенных современниками.

Всего за одно десятилетие с 1828 г. было написано более 50 исторических романов, и именно поэтому И. П. Щеплыкин считает их выборку вполне репрезентативной для того, чтобы показать, какие процессы происходили в этот период становления жанра исторического романа (15). Это десятилетие интересно, прежде всего, тем, что в этот момент формировалось представление у писателей и всего общества о жанровой идентичности исторического романа. При всей очевидности того, что русским обществом была осознана острая необходимость в осмыслении истории, споры вокруг исторического романа не утихали. Сочетание в историческом романе истории и вымысла делало этот жанр «беззаконным» в глазах таких его противников, как О. И. Сенковский. С. П. Шевырев вообще назвал исторический роман в статье «Словесность и торговля» «самой верной спекуляцией» (14). В. Г. Белинский, напротив, отстаивал вымысел как необходимое условие романного воссоздания прошлого.

Характеризуя исторический роман 1830-х годов, И. П. Щеплыкин отмечает большое количество переходных явлений, и это естественно. В условиях становления нового для русской

словесности жанра и невозможно свести все многообразие отдельных художественных явлений к ограниченному количеству ведущих тенденций.

Т. А. Касаткина говорит о том, что «жанр настолько жанр, насколько он опознаваем» (4, 65). Исторический же роман, как замечает Т. И. Дронова, «не является ни определением жанровой *сущности* (здесь и в дальнейшем выделено автором. – М. П.) произведения, ни характеристикой авторского *пафоса*. Он означает лишь то, что перед нами большая эпическая форма, действие которой развивается в прошлом. В разные эпохи в силу “пограничного” характера данной жанровой разновидности ее сущность интерпретируется то как “романная”, то как “историческая”» (4, 51). Уже в эти годы исторический роман имел целый ряд модификаций.

Каждый из романистов этого времени предлагал свою, иногда отличную от В. Скотта и М. Н. Загоскина как родоначальников жанра, интерпретацию «романной» или «исторической» составляющей. Например, в центре назидательных романов Ф. Булгарина исторические герои – Самозванец и Мазепа, но превращенные автором в «чувствительных героев». Исторические произведения К. Масальского наполнены прозрачными намеками на восстание декабристов. Н. Полевой, работая в жанре «русской были», ориентируется на «исторические сцены» Вите и Мериме с большим количеством массовых сцен.

Однако, несмотря на желание исследователей жанра исторического романа «исчерпать» весь объем текстов этого десятилетия, до сих пор можно найти незаслуженно забытые произведения. Таким произведением стал и роман Н. М. Коншина «Граф Обомянский, или Смоленск в 1812 году». О нем ни разу не вспомнил И. П. Щерблякин, о нем не упоминают в обзорах литературы об Отечественной войне 1812 года. После долгого забвения о нем едва ли не первыми вспомнили А. В. Чернов (13), а потом А. Ю. Сорочан (12).

Н. М. Коншин участвовал в Отечественной войне 1812 года. В 1812 г. находился с 20-й конной ротой под Смоленском, где разворачивается действие его романа, затем – в Брянске. В военных действиях он участия не принимал. В 1814 г. участвовал в походе к Варшаве и Кракову. Роман «Граф Обомянский», написанный в 1834 году, стал первым опытом создания большого эпического произведения для его автора.

Однако признания он не нашел. Очень резко отозвался об этом романе В. Г. Белинский: «В нем нет ни слога, ни мыслей, ни создания, ни характеров, ни занимательности; словно гора с плеч сваливается у вас, когда вы дочитываетесь до отрадного слова: *конец*» (1, 352). По отзыву проф. Кирпичникова: «Историческая часть романа бледна, а романтическая скучна до крайности; даже слог испещрен курьезными неправильностями. Но доброе сердце автора и оптимизм его выражаются и здесь и, пожалуй, еще с большей рельефностью, нежели где бы то ни было» (6, 112).

Современный исследователь А. Ю. Сорочан в свою очередь считает, что роман Коншина позволяет «проследить дальнейшее развитие и упрощение национально-тенденциозных описаний истории» (12, 20). А. В. Чернов, не продолжая традицию критических отзывов, отмечает, что роман «вполне типичен для беллетристики этого времени» (13, 107). Отметим, что исследователь считает беллетристику не массовой литературой, а «срединным явлением» в литературе между классикой и собственно массовой литературой.

Столь неудачный исторический роман, которым стал, по откликам критиков, «Граф Обомянский», написан на основе реальных впечатлений автора от событий под Смоленском. Об этом свидетельствуют «Воспоминания» Коншина об Отечественной войне 1812 года. Они во многом объясняют причины обращения Коншина к данному историческому сюжету, выбор места действия и даже особенности конфликта. Из этих воспоминаний мы узнаем о том, что еще до начала военной кампании (17 июля) он был откомандирован из Смоленска в Динабург с 8 артиллеристами и 15 лошадьми (8, 268). М. И. Богданович, историк войны

1812 года, чьими материалами активно пользовался и Л. Н. Толстой при создании «Войны и мира», так пишет об этих событиях: «Император Александр, полагая, что можно было оборонять Динабург хотя некоторое время, повелел усилить тамошний гарнизон четырьмя запасными батальонами» (2, 104), – по всей видимости, небольшой отряд Коншина и входил в это «усиление».

Объектом пристального внимания Коншина в воспоминаниях будет его путь сначала в Динабург, а потом назад – в Смоленск. На этом полном приключений пути он и его команда ни разу не встретятся лицом к лицу с французами. Не стараясь оправдать себя, он рассказывает о проявленной им трусости во время движения их команды среди крестьянских подвод, о безрассудном нежелании двигаться в общем потоке отступающих русских войск: «Войска шли большими, густыми колоннами, занимая всю ширину дороги, но при этом растягивались, теряли дистанции, нередко останавливались и по получасу стояли на месте – как тут ехать в такой сумятице? <...> Я вышел из терпения и решил переправиться на левый, занятый неприятелем берег Двины (Западной Двины. – М. П.) и там пробраться в Смоленск через Оршу... Нечего говорить, насколько был безрассуден мой поступок, но он вытекал из моего характера, главной чертой которого была замкнутость, сосредоточенность, нелюдимость» (8, 269–270). Мы узнаем о том, по каким причинам Коншин, несколько раз имея возможность обратить на себя внимание Барклая и других военачальников, так и не смог этого сделать. Более того, не принял участия ни в обороне Смоленска, ни в Бородинском сражении. По сути дела, война для него началась только после Брянска, когда русская армия уже гнала французов за пределы России.

Двумя самыми сильными впечатлениями от начального этапа войны для него были, во-первых, разоблачение его солдат, которые по дороге, пока он не видел, грабили крестьян и евреев, держащих трактиры. Во-вторых, расстрел безвинно осужденного по приказу Барклая денщика барона Вольфа: «Много лет прошло с того времени, но и до сих пор, когда случается мне видеть портрет или статую Барклая, мне кажется, что они с головы до ног обрызганы невинною кровью этого мужика» (8, 282).

Упоминания об этих фактах мы не найдем в романе. При работе над романом Коншин вообще хочет уйти от документального воспроизведения событий. Он не хочет идти по пути Ф. Н. Глинки – как автора «Писем русского офицера», Д. В. Давыдова – как автора «Дневника партизанских действий 1812 года» или И. И. Лажечникова – как автора «Походных записок русского офицера», которые соединяли мемуарный жанр с документальным отчетом. Коншину ближе подход Ф. Булгарина, написавшего роман «Петр Иванович Выжигин» – первый роман о событиях Отечественной войны 1812 г., который вышел в 1831 г. еще до появления в том же году более известного романа М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году». Во-первых, он был написан, как и роман Коншина, на основании личных впечатлений автора, который принимал участие в войне 1812 года на стороне французов. Во-вторых, Ф. Булгарин в подзаголовке определяет свой роман как «нравоописательный-исторический», а в предисловии – как «нравоописательный». Акцент, как он указывает в предисловии, сделан им на описании нравов, а не на войне 1812 года, которая в нем «только эпизод» (3, 2).

Коншин тоже мыслит свой роман прежде всего как нравоописательный, а уже потом как исторический, вводя обширные бытовые зарисовки, связанные с описанием обстановки в дворянских домах, сложившимися в них устоями. И если М. Н. Загоскин вставляет в свой роман развернутые, насыщенные подробностями, описания пылающей Москвы, отступления французской армии, мимо которых нельзя пройти, то Коншин – описания бытовых реалий, а не исторических событий. Таковы описания бала в доме помещика Богуслава накануне прихода французской армии, комнат в Семипалатском и нравов живущей в имении семьи Мирославцевых и т. д. Причем все описания выдержаны в «восторженном», романтическом настроении: «Кабинет Софии был, для провинциальной барышни, даже роскошен. Прекрас-

ное собрание книг ее без преувеличения можно было назвать изящною библиотекою. Отец ее любил словесность и не щадил никаких издержек, дабы обогатить свое уединение всеми лучшими созданиями гения» (7, 374).

Автор хорошо знал, что под Смоленском есть немало еврейских «местечек», много еврейских семей уже давно жило и в самом городе, а потому он не мог отказаться от изображения традиций, обычаев, а также поведения представителей этой социальной группы в условиях приближения французской армии. Среди них есть и предатели, такие как Ицка Шмуйлович Варцаб, пробирающийся в Смоленск с особым заданием маршала Понятовского (он так и не выполнит своего задания); но есть и такие, как раввин небольшой синагоги в Лядах, который обращается к прихожанам с речью, в которой звучит следующая просьба: «Братья и дети, неисчислимые пользы наши требуют утвердить неприятеля в мысли, что русская армия стоит под Смоленском. Тогда он не осмелится напасть на нас с теперешними силами. Клянись же перед богом, что вы будете поддерживать данный слух» (7, 334).

И даже тогда, когда действие переносится в Смоленск, где готовятся к защите города от неприятеля, почти не ощущается атмосферы военных действий: «В стенах Смоленска, недалеко от пролома, защищенного исстари особенным земляным укреплением, возносила златые верхи свои под небеса, заросшая лесом и башнями, безмятежная обитель иноков. Построение сей обители относили к временам глубокой древности. Сказывают, что скорбный отец, оплакивавший потерю убитого сына, был ее основателем» (7, 382). И только в письмах и разговорах героев начинает все чаще звучать мотив тревоги, как, например, в письме Тоцкой к Софье: «Ах, друг мой, в какое страшное время мы живем, нет состояния, которому можно бы позавидовать... Война, этот грозный мор, подошла уже к Смоленску: к нашему мирному, доброму Смоленску... Не сон ли это, София!» (7, 399)

При описании жизни Смоленска автор использует и те знания, которые он получил во время службы в этих местах. Так, он упоминает о знаменитой ресторации Симона Чаппы. По его описанию уже в XX веке краеведы попытались уточнить месторасположение этого заведения. «Оно находилось чуть выше лестницы, ведущей к смоленскому Свято-Успенскому кафедральному собору. Благодаря Коншину мы знаем элементы интерьера и обстановки ресторации, фирменное блюдо – винегрет с адски острой горчицей и девиз хозяина (заведения) – *Patti chiari, amicizia lunga!* Словари дают спорный перевод этой фразы: уговор дороже денег; дружба дружбой, а табачок врозь» (9).

Как и в большинстве романов того времени, в произведении присутствует любовный конфликт, который, правда, не разрешается в результате активных действий персонажей, но просто «снимается», так как между Богуславом и Софьей исчезают все препятствия. Он настолько мало убедителен и надуман, что это, несомненно, один из самых слабо проработанных компонентов текста.

Писатель использует и хорошо знакомый его современникам по другим романам прием «вездесущего персонажа». В романах В. Скотта такой герой находится в композиционном центре произведения. Но у русских писателей был и другой вариант его функционального использования. Например, в романе Н. Полевого «Клятва при Гробе Господнем» (1832) романтическую интригу ведет тоже вымышленный персонаж, действующий в силу данного им обета, но не являющийся главным героем произведения. В романе Коншина граф Обоянский, скрывая свое истинное имя и намерение, по сути дела соединяет влюбленных и восстанавливает справедливость. Главным отличием от романа Полевого будет роль Обоянского в развитии исторических событий – вернее, полное отсутствие этой роли. Таинственный Гудошник у Полевого умело сталкивает различных претендентов на московский и нижегородский престолы, а Обоянский лишь пользуется расположением к нему как Понятовского и барона Беценваля, с одной стороны, так и Свисловича, Тоцкого – с другой.

«Историческая» же составляющая романа своеобразна. Отличительной чертой исторического повествования у Коншина будет и почти полное отсутствие исторических персонажей среди действующих лиц (Понятовский едва ли не единственный). Фамилии большинства персонажей вымышленные, причем писатель использует одну и ту же продуктивную модель – по топониму: Свислоч (Свислочь – город и река в Белоруссии), Тоцкий (Тоцкое – село в Оренбургской области) – отчего эти фамилии не производят впечатления выдуманных, несуществующих.

Подкупает в романе и точный счет времени – как исторического, так и романного, значимость которого можно понять только в том случае, если мы знаем хронологию событий, разворачивающихся под Смоленском. Повествователь запечатлевает нам последние дни мирной жизни смоленского дворянства. Действие разворачивается между 12 июля 1812 года и 7 апреля 1813 года (если не считать ретроспекцию к событиям 1790 г. и эпилог, где действие разворачивается через два года). 6 июля (время отступления двух русских армий к Дриссе) Богуслав записывается в полк, 18 июля происходит бал, на котором он признается в любви Софье Мирославцевой. А в это время, государь выехал «из Полоцка в ночь с 18 на 19 июля» (2, 105), а «все войска 2-й Западной армии собрались в Бобруйске» (2, 121).

16 августа Багратионом в Смоленске после объединения частей русской армии был дан первый бой, 17 августа – второй, а 18 августа началось отступление. 24 августа Обоянский уезжает из дома Мирославцевых (недалеко от Смоленска), как мы потом узнаем, в Казань, три дня печалится Софья и наконец 27 августа приходит известие о победе Кутузова под Можайском у деревни Бородино. Обратим внимание на то, что война проходит почти мимо героев произведения. Коншин явно опирается на свой биографический опыт – ведь его военные тревоги также миновали. Собственно говоря, только оборона Смоленска и оказалась замеченной героями.

Писателю как участнику тех событий удалось передать и атмосферу взаимоотношений русских и французов. Как отмечает Приказчикова, «важными чертами личностной самоидентификации человека, принадлежащего к военной субкультуре того времени был культ ритуального буйства» (10, 185), специфический тип героизма, а также следование законам чести и чувствительности. Это объясняет, например, такую заботу французского офицера о сохранности библиотеки в Семипалатском, достаточно свободное перемещение Обоянского в пространстве между двумя армиями.

В романе Коншина нет метатекстовых размышлений автора, но композиция романа такова, что легко угадать параллельное развитие двух сюжетных линий, связанных с тайной графа Обоянского и событиями войны 1812 года. Однако если в романе Булгарина, как отмечает Н. П. Сидоров, «два самостоятельных и лишь искусственно слитых течения: роман и история идут рядом, легко отделяясь друг от друга, как масло от воды; так же рядом, рука об руку, идут герой романа П. И. Выжигин и несомненный герой его исторического рассказа Наполеон» (11, 150), то в романе Коншина они связаны теснее. Исторические катаклизмы мало влияют на судьбу персонажей, но становятся поводом для размышлений, раздвигают «горизонт» их жизни и опыта.

И все-таки в романе документальные детали буквально «тонут» в многочисленных возвышенно-риторических эпитетах и эмоциональных рассуждениях: «**Необозримое** (выделено мною. – М. П.) пространство окрестных полей покрылось русскими биваками. **Торжественное ожидание великого события заступило место робости в сердцах жителей. Это чувство не походило на уверенность в безопасности – столь обманчивой в ратном деле, но – на грозный покой воина, которого многочисленные враги застали безоружным, но который успел уже накинуть броню и обнажить, на отчаянную защиту, свой пагубный меч.** Казалось, старые красные стены Смоленска **облеклись новым могуществом и вну-**

шали большую уверенность к чудовищной толстоте своей, к зубцам, надежной защите стрелков, и к высоте, на которую никакие лестницы не поспособят взойти при малейшей обороне» (7, 400).

Таким образом, исторический роман Н. М. Коншина, несомненно, произведение во многом противоречивое и слабое в художественном плане. Писателю не удалось в полной мере создать широкое историческое полотно, так как его внимание постоянно концентрируется на «мелочах». Ориентируясь во многом на модель нравоописательного романа на историческом материале, он упускает возможность показать вторжение исторического настоящего в жизни героев. Его роман не противоречит одной из тех тенденций развития жанра, которая представлена в первую очередь произведениями Ф. Булгарина, и сохраняет жанровую идентичность.

Литература

1. *Белинский В. Г.* Регентство Бирона. Повесть. Соч. Константина Масальского... Граф Обоянский... Соч. Н. Коншина... Шигоны... // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. Т. 1. Статьи, рецензии и заметки 1834–1836. Дмитрий Калинин. М., 1976.
2. *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года. М., 2012.
3. *Булгарин Ф. В.* Предисловие // Булгарин Ф. П. Петр Иванович Выжигин, нравоописательный-исторический роман XIX века: в 4 ч. Ч. 1. СПб., 1834.
4. *Дронова Т. И.* Категория жанра в современном литературоведении (к проблеме идентификации историческо-офского романа) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12. Вып. 2.
5. *Касаткина Т.* Структура категории жанра // Контекст–2003: литературно-теоретические исследования. М., 2003.
6. *Кирпичников А. И.* Н. М. Коншин // Кирпичников А. И. Очерки по истории новой русской литературы: в 2 т. Т. 2. М., 1903.
7. *Коншин Н. М.* Граф Обоянский, или Смоленск в 1812 году // Три старинных романа: в 2 кн. Кн. 2. М., 1990.
8. *Коншин Н. М.* Из записок Н. М. Коншина. 1812 год / предисл. А. Корсакова // Исторический вестник. 1884. Т. 17. № 8.
9. Накормить как в 1812-м // Копилка интересных фактов, замечаний и наблюдений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.smolensk-1812-2012.ru/skarbonka/skarb1.shtml>
10. *Приказчикова Е. Е.* По законам чести и чувствительности: военная мемуарная литература наполеоновской эпохи // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2012. № 4 (108).
11. *Сидоров Н. П.* Отголоски 12-го года в русской повести и в романе // Отечественная война и русское общество: в 7 т. Т. 5. М., 1911.
12. *Сорочан А. Ю.* Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века: дис... д-ра филол. наук. Тверь, 2008.
13. *Чернов А. В.* Русская беллетристика 20–40-х годов XIX века (вопросы генезиса, эстетики и поэтики): автореф... д-ра филол. наук. Новгород, 1997.
14. *Шевырев С. П.* Словесность и торговля // Литература. 2003. № 36 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/shewyrew_s_p/text_0031.shtml
15. *Щеблыкин И. П.* Русский исторический роман 30-х годов 19 века // Проблемы жанрового развития в русской литературе 19 века. Рязань: Изд-во РПИ, 1972. С. 5–231.